

Годъ II

Годъ II

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

1915

№ 12

декабрь

Петроградъ
Серпуховская улица, д. 40.
Тел. 617—61.

К. Вальмонтъ.

Змѣй.

Стонеть голубь, стонеть сизый,
У меня на крышѣ.
Опустѣли всѣ карнизы,
Безъ касатокъ тише.
Скрылись ласточки живыя.
Осень золотая.
Облаковъ нѣмая выи,
Какъ змѣя литая.
Ужъ не вынудить намъ лѣта,
Ужъ тепла не вымочь.
Въ красномъ, въ свѣтахъ желтоцвѣта,
Вотъ онъ, Змѣй Горынычъ.

Николай Клюевъ.

Мірская дума.

Мірскихъ умильвыхъ думу-
шекъ
Въ долгій лѣтній день не вы-
сказать
Въ ночь осеннюю не выслу-
хать.

(Изъ северныхъ причитовъ).

Что ты, нивушка, чернешенька,
Какъ въ нужду кошель порознѣшенька,
Не взрастила ты ржи-гуменницы
А спелегала—къ солнцу выгнала
Недьякъ - траву съ горькой пестушкой.
Оттого я, свѣтъ, чернотой пошла,
По омежикамъ замуравѣла,
Что по ведру я не косулена,
Послѣ бѣлыхъ росъ не боронена,
Рожью низовой не засѣяна.
А и что ты, изба, пошатилася
Съ парежа - угара, аль съ вышивки,
Али съ позднихъ просонокъ разхамкавшись,
Вплоть до ужина чешешь пазуху.
Не запрешь воротъ—рта беззубаго,
Креня въ сторону шоломъ-голову...
Оттого я, свѣтъ, шатуномъ гляжу,
Не смыкаю рта деревяннаго,
Что отъ бѣла дня, до полуночи
Воротись вопю доможирицику—
Своему-ль избяному хозяину.
Вопія надорвала я печени—
Глинобитную печь съ теплымъ дымни-
комъ,—

Видно утушкѣ горькой—хозяюшкѣ
Вѣковать приведется безъ селезня!..
Ты дорога-путинушка дальняя
Ярый кремень, да супесь горячая,
Отчего ты, дороженька, куришься,

Обымаешься копотью каменной,
Али дождикомъ ты не умывана,
Не отерта тумана ширинкою,
Али лапотъ съ клюкой-непосѣдою
Больно колютъ стоверстную спинушку?
Оттого, человекѣ, я курево
Замутилась, какъ плѣсо отъ невода,
Что по мнѣ проходили солдатушки
Съ громобойными лютыми пушками
Идучи они пѣли: „лебедушку .
Заклевать солетались вороны“,
Другъ со другомъ крестами мѣнялся,
Полагали зарокъ великіе:
Постоймъ-де мы, братцы, за родину,
За мірскую Микулову пахоту,
За бѣлицу весну, съ зорькой-свѣченкой
Надъ мощами полѣсїй затепленной!
Стороною же, рыси лукавѣ,
Хоронясь за бугры до валежины,
Кралась смерть, отмѣчая на хартии,
Какъ ярыга, досрочныхъ покойниковъ...

Ахъ, ты ель-кружевница трущобная,
Не чета ты кликушѣ осинушкѣ,
Что отъ хвойнаго звона, да ладана
Бьетъ въ ладошки, и хнычетъ по-заячьи,
Ты-жъ сплетаешь зеленое кружево
Отъ куклюшекъ рѣсницъ не здымаючи,
И не мѣсяць-проныра, ни солнышко
Не видали очей твоихъ дѣвичьихъ,
Молви ёлущка, съ горя, аль съ устали
Ты верижницей строгою выглядишь,
Не топоръ ли тебѣ примерещился
Печь съ бѣлѣнымъ развилистымъ жарни-
комъ—

Пышетъ пламя, съ таганомъ бодается,
И горишь ты въ печицѣ, какъ грѣшница?
Оттого, человекѣ, я выгляжу
Срубомъ церковкою въ пушѣ забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сынѣ молилася,—
Она кликала грозныхъ архангеловъ
Дѣву-Пятенку съ Теплымъ Миколою,
Припадала, какъ къ зыбкѣ, къ валежинѣ,
Называла валежину Ванюшкой,
Послѣ мохъ, словно волосы, гладила,
И казала сосцы потчернѣлые,
Я покрыла еѣ эпित्रахилью,
Какъ сумѣла родную утѣшила.
Слезы-жъ матери—жито алмазное
На пролетѣ склевала кукушица,
А склевавши она спохватилася,
Что не птичье то жито, а Божіе...
Я считаю ку-ку покаявныя,
И въ куклюшкахъ, какъ въ трѣбникѣ, пу-
таюсь.